

ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ 1588 ГОДА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

Михаил КОЛОС,

кандидат юридических наук, доцент,
судья Конституционного Суда Украины

Summary

On the basis of dogmatic analysis of the provisions of 1588's Statute of Grand principality of Lithuania, the article reveals the theoretical essence of the criminal and legal legislation of Lithuanian-Russian state. The application of the Statute by the courts of Hetman Ukraine is considered. Besides, there were made the conclusions about the high social and legal influence of the principles and ideas designated in the Statute concerning the further development of the national criminal law.

Key words: Lithuanian Statute of 1588, types of offences, penalties, necessary defense.

Аннотация

На основании результатов догматического анализа положений Статута Великого княжества Литовского 1588 г. в статье раскрывается теоретическая сущность уголовно-правового законодательства литовско-русского государства. Рассматривается применение положений Статута судами Гетманской Украины. Кроме того, сделаны выводы о высоком социально-правовом влиянии принципов и идей, заложенных в Статуте, на дальнейшее развитие национального уголовного права.

Ключевые слова: Литовский Статут 1588 г., виды преступлений, наказания, необходимая оборона.

Постановка проблемы. Активное познание сущности развития современного украинского уголовного права, с нашей точки зрения, может стать достоверной реальностью в случае надлежащего догматического анализа соответствующего законодательства, имеющего национальную форму и содержание. Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ), в составе которого в XIV–XVII ст. была значительная часть русских (согласно современной терминологии – украинских) территорий, в основу своего права легитимно положило право княжеского государства, имевшего официальное название Русь¹. По этой причине великие князья Литовские в привилеях к каждой редакции Статута (1529, 1566, 1588 гг.) после наименования «литовские» указывали «русские» земли как составляющую часть Великого княжества. Более того, Великий князь Жигимонт III, давая подканцлеру Льву Сапеге Привилей на публикацию Статута 1588 г. (далее – Статут) указал на необходимость его изготовления также на русском языке [1, с. 17].

Следует обратить внимание на то, что редакция указанного Статута является наиболее совершенной и активно

применялась в украинских землях до 40-х гг. XIX ст. Этот Статут стал образцовым источником для формирования иных правовых актов, а сущность его уголовно-правовых положений дает возможность воссоздать целостную картину развития литовско-русского уголовного права.

Актуальность темы подтверждается отсутствием в Украине современных комплексных фундаментальных исследований уголовно-правовых положений Статута, трудов ученых о практике его применения в Гетманской Украине (XVI–XVIII ст.) и о влиянии Статута на развитие украинского законодательства в XVIII ст.²

Состояние исследования. Различные аспекты Статута рассматривали в своих трудах известные ученые, такие как Ю. Бардах, И. Валиконите, М. Владимирский-Буданов, И. Данилович, А. Дубровина, С. Лазутко, И. Лаппо, А. Ткач, И. Усенко и многие другие. Исследованию особенностей уголовно-правового аспекта данного акта уделили значительное внимание ученые Г. Демченко, А. Максмейко, И. Малиновский, Я. Падох. Их труды составляют фундаментальное основание для дальнейшего изучения правовых, в том

числе имеющих уголовно-правовое содержание, проблем Статута.

Целью статьи является распространение в среде заинтересованных лиц результатов углубленного научного исследования уголовно-правовых положений Статута, данных о применении его норм в Гетманской Украине, а также о его месте в совершенствовании национального уголовного права.

Изложение основного материала. Структура Статута 1588 г. в указанной нами редакции состоит из 14 разделов, в которые включены 488 артикулов. Из них 153 артикула (31,3%) имеют уголовно-правовое содержание.

В первую очередь обращаем внимание на систему правовых принципов, которые составляют гуманистическую базу уголовно-правовой части Статута. К ним мы относим положения, закрепленные в *разделе I*, согласно которым все жители княжества, независимо от сословия, в том числе духовного, военного («от высшего к низшему»), а также иностранцы или иные лица, прибывшие на его территорию, обязаны были «решать дела и судиться» по правилам Статута в учреждениях тех территориальных единиц княжества, где «завинили» (арт. 1); никто, независимо от совершенного противоправного действия, не мог быть осужден заочно (арт. 2); тот, кто несправедливо оговорил иное лицо в совершении противоправного действия, должен был наказываться тем наказанием, которое угрожало оговоренному (арт. 2, 4, 5); никакой привилей, знатность

¹ Употребление в литературе для названия Украины искусственного словосочетания «Киевская Русь» является фикцией, которая негативно отражается на идентификации княжеского государства Русь, существовавшего в IX–XIV ст.

² Исследование произведено на основании текста Статута опубликованного в научном издании Статута Великого княжества Литовского : у 3 т. / За ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – Одеса : Юридична література, т. 1 – 2002, т. 2 – 2002, т. 3 – 2004.

или достоинство не освобождали виновного от правовой ответственности (арт. 4); жены, дети государственного преступника, независимо от возраста, не должны отвечать за противоправные действия мужа, отца, если они не знали о его преступных действиях (арт. 3, 6); лица, совершившие противоправные действия, будучи психически больными, не должны привлекаться к ответственности (арт. 4); никто не мог привлекаться к ответственности и быть наказанным без вины за преступление, совершенное иным лицом (арт. 18). Согласно положениям *раздела 3* за всеми жителями княжества, независимо от сословия, мещанского или посполитого (простого) происхождения, сохранялись все права и свободы, которые они имели со старых времен (арт. 2); никто из шляхтичей, не привлеченный к ответственности и не обвиненный в соответствии с правом, не мог никем задерживаться и помещаться в тюрьму (арт. 10). В *разделе 14* говорилось, что положения Статута распространялись лишь на дела будущие, со времени, когда он издан, за исключением тех положений, которые признаны имеющими обратную силу (арт. 37).

В целом же положения Статута, имеющие уголовно-правовое содержание, были приведены в одиннадцати разделах: в разделе 1 это арт. 3–6, 9–11, 13, 14, 16–18, 24–26, 29; в разделе 2 – арт. 6, 7, 10, 14, 18, 21, 27; в разделе 3 – арт. 2, 10, 14, 22, 23, 27, 28; в разделе 4 – арт. 7, 11, 41, 59, 62–64, 76, 92, 95, 96, 98, 105; в разделе 8 – арт. 7; в разделе 9 – арт. 15; в разделе 10 – арт. 1, 4, 5, 7, 8–18; в разделе 11 – арт. 1–4, 6–43, 48, 49, 51–57, 60, 67, 68; в разделе 12 – арт. 1–7, 9–11, 15, 23; в разделе 13 – арт. 1–14; в разделе 14 – арт. 10, 11, 21–23, 25–32, 37.

Составы преступлений, изложенные в большинстве указанных статей, по объекту уголовно-правового посягательства можно классифицировать на определенные группы, направленные против государства и его главы; воинской службы; правосудия; чести и достоинства представителей шляхетского и иных сословий, посполитого народа; личной, в том числе половой, свободы человека; жизни и здоровья; собственности.

Законодатель ВКЛ, не изложив в Статуте общего определения пре-

ступления, достаточно полно описал субъективные и объективные признаки противоправных действий, подлежащих наказанию в уголовно-правовом порядке. В частности, он установил, что субъектом преступления могут быть мужчины и женщины (арт. 12, 49 раздела 11; арт. 23, 31 раздела 14), взрослые и несовершеннолетние (арт. 12 раздела 2; арт. 1 раздела 6; арт. 9 раздела 5; арт. 11 раздела 14), туземцы и иноземцы (арт. 26 раздела 1), простые люди и шляхта (арт. 39 раздела 11; арт. 2 раздела 12; арт. 29, 31 раздела 11), гражданские лица и военнослужащие (арт. 37, 48 раздела 3; арт. 14, 18 раздела 2). Как правило, в положениях статей субъекты преступлений обозначались общими названиями, например: «Если бы кто сговор или покушение, или бунт совершил...» (арт. 3 раздела 1); именовались по должности, при исполнении которой совершили противоправное действие: «А если бы какой воевода, староста, ... судья, подсудок, писарь земский, или подкоморий, или комиссар сам к гвалту городу нашему... совершил...» (арт. 63 раздела 4); либо назывались по виду преступления: «Если бы кому пришлось вора своего с поличным либо без поличного... поймать» (арт. 6 раздела 14) и т. п.

К уголовной ответственности указанные лица могли привлекаться, совершив противоправные действия (вред, злодейство, обиду), если они достигли шестнадцатилетнего возраста. До этого их запрещалось передавать палачу на истязания с целью получения доказательств виновности. Однако если несовершеннолетнее лицо «несколько раз на злодействе и с поличным было поймано», суду разрешалось наказывать его на свое усмотрение, применяя телесные наказания. В то же время запрещалось приговаривать несовершеннолетних к смертной казни. Исключалось привлечение к уголовной ответственности также психически больных и глупых, «недоумкуватых» людей, в том числе за оскорбление Великого князя Литовского. Обращая на это положение особое внимание, законодатель утверждал: «Однако если бы кто из глупости либо сумасшествия совершил такое преступление, за то мы, Господарь, братья не будем» (арт. 4 раздела 1).

Авторы Статута не дали также формального определения понятия вины

как одного из оснований привлечения к уголовной ответственности. Однако из содержания значительного количества составов преступлений усматривается, что составители Статута имели как теоретические, так и практические знания в сфере психологии, права, законодательной техники, что дало им возможность акцентировать внимание на субъективных аспектах составов преступлений, в том числе на вине и ее формах (умысле и неосторожности), мотиве, цели и т. п. Это усматривается, например, из положений арт. 16 раздела 11: «Если кто *умышленно, в гнев, сгоряча* ножом, пуйналом, кинжалом убил...»; арт. 23 раздела 11: «Если бы кто *случайно, не желая того, не с неприязни, но через незнание*, охотясь на зверей или птиц, кого-то убил...» Вина человека, совершившего противоправное действие, в каждом случае должна была доказываться надлежащими, предусмотренными в Статуте доказательствами. В арт. 10 раздела 1 об этом указано: «А кто бы с ружья или лука, каким-то образом выстрелив, ранил кого-то [наказывается]... *на основании доказательств*, за решением вряда, который проводил судебное рассмотрение...» Кроме того, в арт. 92 раздела 4 закреплено, что приговор обвиняемому необходимо выносить в соответствии с его виной, поступком и порядком этого Статута. В положениях статей часто утверждается, что виновность преступника должна подтверждаться не просто *доказательствами*, а «слушными», то есть вескими, не вызывающими сомнения. Более того, имея целью исключить незаконное привлечение к ответственности невиновного лица, законодатель в арт. 14 раздела 3 предусмотрел положение, согласно которому запрещалось наказывать также по заочному обвинению.

Законодатель, понимая сущность и значение для человека и общества в целом объектов, в отношении которых совершались общественно опасные действия, реально оценивая их последствия, принимая во внимание роль места, времени, средств, условий, способов причинения вреда, сформулировал полноценные (как для XVI ст.) объективные элементы составов преступлений. Достаточно полно это описано, например, в арт. 17 раздела 11: «Кто бы кого тайно, без ссоры, а мол-

ча, по-предательски и коварно ночью или днем убил, как на дороге, прячась за кустом, за оградой или в огороде, в селе, из засады на улице или в доме, сквозь двери, сквозь окно или ж тайную комнату, используя, с какого-либо вооружения стреляя или ручным оружием убил того, кто спал или в компании был, или на каком ином собрании людей, или молча, по-предательски пуйналом или каким иным оружием убил, и на том преступлении был пойман...» Таким образом, из содержания указанного артикула усматривается, что специалисты, используя лингвистические категории, четко определили юридическую сущность явлений, имеющих объективное уголовно-правовое значение, в частности, для правильной квалификации действий преступника и назначения ему определенных в законе вида и меры наказания.

Не употребляя в Статуте такое словосочетание как «причинная связь», законодатель в положениях арт. 53 раздела 11 описал правовую сущность указанного философского понятия: «Если бы шляхтич и какого-либо иного сословия человек, который был избит или ранен, после ранений ездил или ходил на банкеты, рынки или в корчму, пил, участвовал в разговорах от избития или ранения до двадцати четырех дней, а после хотя бы от тех ран и побоев умер, тогда тот, кто его избил или ранил, если это докажет существенными доказательствами, головщины [за убийство] платить не должен, а только родственникам за раны должен уплатить согласно Статуту». Тем самым была решена проблема соотношения преступных действий подозреваемого лица с наступившими последствиями, а также были урегулированы вопросы правильной квалификации и определения материальной ответственности преступника за ущерб, реально нанесенный здоровью потерпевшего.

В анализируемой третьей редакции Статута традиционно была закреплена система артикулов, в которых устанавливались обстоятельства, исключаящие преступность действий, имеющих признаки преступлений. К таковым мы относим, согласно современной терминологии, необходимую оборону. Положения, касающиеся ее, закреплены, например, в арт. 63 раздела 4, предусматривающем право на такую

оборону представителей власти, если они были вынуждены прибегнуть к ней вследствие чьих-либо противоправных действий. Необходимая оборона также могла применяться по правилам ряда артикулов раздела 11, в частности, к лицу, которое ранило или убило людей, совершивших насильственное нападение, наезд на дом и хозяйство потерпевшего (арт. 19); к шляхтичу, который убил или ранил другого шляхтича или иное лицо, которое умышленно насильственно наехало на село, хозяйство, людей, земли потерпевшего, причинив значительный ущерб (арт. 20); к шляхтичу, который, защищая свою жизнь от другого шляхтича или простого человека, устроившего возле дороги засаду с целью убийства шляхтича или нанесения ему ранений, убил нападавшего (арт. 21); к лицу, защищавшему свое здоровье и неумышленно убившему человека, который умышленно, из-за дерзости, будучи в нетрезвом состоянии или по иному злему умыслу затеял ссору в каком-либо месте (арт. 22); к лицу, которое, защищаясь в драке от напавшего на него противника, нанесло ему ранение (арт. 24); к слуге, который, защищая своего пана в какой-либо ссоре, убил его противника или нанес ему ранения (арт. 25). Таким образом, право на необходимую оборону в ВКЛ признавалось за представителями всех сословий, в том числе за простыми людьми.

Однако это право можно было реализовать лишь при наличии определенных в Статуте правовых оснований, материализация которых проявлялась в таких действиях правонарушителей: а) совершение силового противоправного нападения на дом и хозяйство обороняющегося (арт. 19); б) умышленное противоправное насильственное нападение (наезд, квалт) шляхтичем на людей, село, земли, хозяйственный комплекс (маеток) другого шляхтича с нанесением ему при этом значительного ущерба (арт. 20); в) устройство шляхтичем или простым человеком засады на дороге с целью нанесения ранений другому шляхтичу или его убийства (арт. 21); г) создание конфликтной ситуации (ссоры), в ходе которой ее инициатор угрожает здоровью обороняющегося лица (арт. 22); д) возникновение драки, в ходе которой ее инициатор угрожает лицу, вынужденному

обороняться (арт. 24); е) возникновение конфликтной ситуации (ссоры), угрожающей лицу (пану), с которым находится его слуга (арт. 25). Наличие таких оснований, подтвержденных судом, в полной мере освобождало лиц, совершивших ранение или лишение жизни правонарушителей в период нахождения в состоянии необходимой обороны, от уголовной ответственности (арт. 19–22, 24). Однако лица, применившие необходимую оборону при наличии условий, изложенных в арт. 22 и 24, все-таки обязаны были заплатить раненому либо родственникам убитого, в отношении которых была применена необходимая оборона, определенную в законе сумму денег (головщизну).

Можно утверждать, что необходимая оборона применялась потерпевшими, а в случае, предусмотренном арт. 25 раздела 11 – их слугами, к лицам, которые непосредственно совершали в отношении собственно потерпевших, членов их семей, работников, имущества и иных социальных благ общественно опасные действия, с целью прекращения противоправного посягательства. В каждом случае законность и обоснованность необходимой обороны проверялись судом.

Если же лицо не находилось в состоянии защиты, а случайно нанесло ранение потерпевшему, то его следовало привлекать к ответственности. Такая правовая позиция законодателя довольно обоснована: «Никто ни от кого за невинности своей ран терпеть не должен» (арт. 24 раздела 11). Однако к такому лицу не применялись суровые меры наказания (смертная казнь, лишение свободы и т. п.). Данное лицо было обязано только выплатить потерпевшему денежную компенсацию (навязку) за нанесенные ранения. Размер навязки определялся в соответствии с социальным положением потерпевшего, зависел от его рода деятельности (профессии, занимаемой должности), места жительства (село, город магдебургского права или населенный пункт, не имеющий привилегий), принадлежности к определенной национальности (татары, евреи) и регулировался положениями арт. 3–7, 10 раздела 12 Статута.

В то же время, независимо от материального состояния шляхтичей, категорически запрещалось посягать на их свободы (вольности), то есть задержи-

вать их и помещать в тюрьму, если они не были привлечены к ответственности и обвинены судом в соответствии с положениями Статута (арт. 10 раздела 3). Также никто, независимо от его сословного положения, не должен был задерживаться и привлекаться к ответственности, если он вынужден был использовать оружие и даже ранить или убить лицо, которое в судебном заседании самоуправно «словом и рукой» посягнуло на него (арт. 62 раздела 4). Более того, свободный человек, будь то мужчина или женщина, ни за какое преступление или долг не мог быть приговорен к пожизненной неволе (арт. 1 раздела 12).

Особый интерес представляют виды уголовно-правовых наказаний, закрепленные в Статуте. Ведь именно они отражают сущность диспозиций каждого артикула, сформированного с целью обеспечить правовую охрану определенного объекта общественных отношений. Содержащиеся в Статуте виды уголовно-правовых наказаний одновременно являются и формальным эквивалентом карательного воздействия на лицо, совершившее противоправное действие. Следует отметить, что система видов наказаний в Статуте довольно развита. В ее состав входили следующие наказания: смертная казнь, членовредительство, нанесение побоев, заключение (лишение свободы), лишение чести, изгнание из государства, изгнание из города, выставление к позорному столбу, конфискация имущества, головщина, квалт, навязка, наказание по принципу талиона.

Отдельные наказания имели альтернативу способов исполнения. Например, смертная казнь могла выполняться путем сожжения или «карания на горло». Более того, в арт. 7 раздела 11 предусматривалось лишение жизни преступника комплексно, а именно: осужденного возили по рынку и клещами вырывали у него куски тела, после этого его помещали в кожаный мешок и к нему вбрасывали пса, петуха, ужа и кошку, после чего, зашив мешок, бросали в водоем. Вид заключения зависел от состава преступления. Срок его исполнения был четко определен и мог составлять 4, 6, 12, 24 недели, 1 год и 6 недель. Заточение осуществлялось в замке Великого князя Литовского в Вильно, в волостном замке или в княжеском

дворе. Места заточения преступников в замке также отличались. Они могли находиться как в верхней (надземной), так и в подземной части башни замка («на дне»). В Украине и Литовской Республике и ныне сохранились места заточения периода XV–XIX ст. Это башня Кармалюка или Папская [2, с. 24–26] в Каменец-Подольском замке, где осуществлялось надземное заточение, и подземная тюрьма в Тракайском замке на территории Литвы [3, с. 27].

В отдельных случаях, установленных в Статуте, допускалась возможность замены заключения штрафом (арт. 27 раздела 3). В то же время, как мы отмечали, имелась некоторая неопределенность относительно сроков длительности пребывания в заключении. Например, если охотник незаконно (в чужой пуше) убил зверя, он обязан был не только оплатить его двойную стоимость, но и отсидеть в заключении в замке или во дворе Великого князя Литовского 6 недель. Если же он не возместил своевременно нанесенный ущерб, то лишение свободы могло продолжаться, «аж пока зверя не оплатит» (арт. 1 раздела 10).

Следует обратить внимание на то, что русский народ воспринимал Статут как свое, народное право. Даже после подписания в 1654 г. военно-политического договора с Московским государством в Украине, в том числе в Гетманщине, положения Статута продолжали применяться. Это подтверждается судебной практикой того времени. Например, за совершение доноса царю Петру I на Гетмана Украины И. Мазепу Генеральный Суд Войска Запорожского на основании арт. 1, 2, 3 раздела 1 Статута 4 августа 1699 г. в Батурине приговорил Данила Забилу к смертной казни с конфискацией всего имущества. Что же касается уголовного дела казака Федора Лебеда, который совершил «чужолозство» с замужней женщиной, то они оба согласно арт. 29 раздела 14 за такое действие должны были понести наказание в виде «кары на горло». Однако суд Лубенского полка в составе 11 человек на открытом заседании 14 марта 1691 г. назначил им более мягкое наказание – «строгое битье киями по телу» [4, с. 438–439, 452–453]. Анализ иных документов судебных органов Гетманщины дает основание утверждать, что суды очень часто назначали подсуди-

мым менее суровое наказание, если их действия не были связаны с убийством или посягательством на государственные интересы.

Статут наряду с другими источниками стал надежной основой для уложения в 1728–1743 г. кодификационной комиссией, состоящей из 70 человек – представителей всех социальных слоев казачьего государства, национального комплексного правового акта, получившего название «Права, по которым судится малороссийский народ». Значительная часть его положений также была посвящена уголовному праву украинского народа. Однако из-за сложностей системы государственного управления, в том числе в законотворчестве и в сфере связей с автономными территориями Российской империи, ввести в действие данный акт не представилось возможным.

Выводы. Полагаем, что на основании вышеизложенного имеются основания утверждать следующее:

1) уголовно-правовые положения Статута являются составной частью и результатом перманентного развития в литовско-русском государстве правовой системы, основанной на традициях русского и других народов, воспринявших христианские правовые идеи;

2) структура уголовно-правовых положений Статута построена по принципу элементарного деления на объективные (объект, предмет, объективная сторона) и субъективные (субъект, субъективная сторона) признаки, в системе формирующие состав преступления;

3) санкции составов преступлений Статута являют собой сложную правовую систему, направленную на суровое наказание преступника и максимально возможную компенсацию материального ущерба, нанесенного потерпевшему;

4) законодатель ВКЛ отдал под уголовно-правовую охрану наиболее важные социальные ценности (жизнь, здоровье, свободу, честь личности), материальные ценности, обеспечивающие жизнь и бытие человека, государства, и ценности, которые направлены на его нормальное функционирование, то есть на судебно-правовую систему, вооруженные силы, финансово-экономическую систему;

5) в Статуте развита система правовых положений, исключаящих при-

влечение к уголовной ответственности невиновных, в том числе несовершеннолетних лиц;

б) сущность уголовно-правовых положений Статута составляют нормы-принципы, которые являются идейной основой дальнейшего демократического развития уголовного права.

Список использованной литературы:

1. Привілей на виключне право Льва Сапеги видавати Статут Великого князівства Литовського 1588 року // Статуту Великого князівства Литовського : у 3 т. – Т. III. Статут Великого князівства Литовського 1588 року : у 2 кн. – Кн. 2 / за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – Одеса : Юридична література, 2004. – 568 с.

2. Дзюба С.М., Кучугура Л.І., Козлова Н.К. та ін. Кам'янець-Подільський історичний музей-заповідник. – Львів : Каменяр, 1982. – 103 с.

3. Turiene V., Sutkaitis T. Lithuania. – Vilnius : Invia, 2009. – 65 с.

4. Акт Генерального суду у справі Данила Забіли за донос на гетьмана І. Мазепу; Рішення за звинуваченням козака з полку пана Іллі Новицького Федора Лебеда Дмитром Малим із села Яцин у незаконному співжитті з його дружиною // Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Упоряд. : С.О. Павленко. – К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. – 1144 с.

К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ И РОЛИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СУДОВ В ИХ РАССМОТРЕНИИ В УКРАИНЕ

Константин КОНЮШКО,

соискатель научной степени кандидата юридических наук
Киевского международного университета,
судья Высшего административного суда Украины

Summary

The article analyzes the concept of the tax conflict and the tax dispute, defines their interaction. The factors of tax conflict and tax disputes are established. We study the principles of tax law, laid down by the Tax Code of Ukraine. The approaches to the parity of public and private interests in tax relations are defined. Tax disputes are investigated from the standpoint of the theory of financial law. This is Discusses the reasons for inclusion of tax disputes to financial and legal disputes that are public. The characteristics and the subjects of the tax dispute are analyses. The subject of the tax dispute is viewed through the prism of public finances, taking into account the peculiarities of the objects of tax relations. It is Proved the expediency of tax disputes attribution the disputes, are viewed in administrative proceedings.

Key words: administrative proceedings, tax dispute, tax legal, financial and legal nature of tax disputes.

Аннотация

В статье проанализированы понятия налогового конфликта и налогового спора, определена их взаимосвязь. Устанавливаются факторы возникновения налоговых конфликтов и налоговых споров. Изучаются принципы налогового законодательства, заложенные Налоговым кодексом Украины. Определяются подходы к паритету публичных и частных интересов в налоговых отношениях. Налоговые споры исследуются с позиций теории финансового права. Рассматриваются основания отнесения налоговых споров к финансово-правовым спорам, носящим публичный характер. Анализируются особенности и субъектный состав налогового спора. Предмет налогового спора рассматривается через призму публичных финансов, с учетом особенностей предметного состава налоговых отношений. Доказывается целесообразность отнесения налоговых споров к спорам, которые рассматриваются в порядке административного судопроизводства.

Ключевые слова: административное судопроизводство, налоговый спор, налоговые правоотношения, финансово-правовой характер налоговых споров.

Постановка проблемы. Анализ правоприменения в сфере налогообложения и налоговой системы Украины в целом свидетельствует о факте наличия значительного количества конфликтов, порождаемых многочисленными причинами объективного и субъективного характера. В первую очередь это связано с дихотомией между эффективным функционированием государства, заинтересованного в поступлении налогов, и текущей жизнедеятельностью граждан, домохозяйств, субъектов хозяйствования и т. п., заинтересованных в как можно меньших суммах уплаченных налогов. Такие конфликты, имеющие под собой не только экономическую, но и юридическую составляющую, часто превращаются в налоговые споры. Последние выступают

предметом не только правоприменения, но и разностороннего научного поиска, направленного на совершенствование процесса разрешения налоговых конфликтов. Поскольку без качественного и быстрого решения налоговых споров вряд ли можно говорить о положительном разрешении базового задания в сфере налогообложения, стоящего перед Украиной, – развития обновленной, справедливой налоговой системы, соответствующей основным параметрам и требованиям правового государства.

Актуальность темы исследования подтверждается необходимостью постоянного поиска новых решений достижения позитивных результатов в процессе рассмотрения налоговых споров как на уровне правоприменения, так и на уровне научных исследований.